

I
Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна.
Еду, еду в чистом поле;
Колокольчик дин-дин-дин...
Страшно, страшно поневоле
Средь неведомых равнин!

II
«Эй, пошел, ямщик!..» — «Нет мочи:
Коням, барин, тяжело;
Вьюга мне слипает очи:
Все дороги занесло;
Хоть убей, следа не видно;
Сбились мы. Что делать нам!
В поле бес нас водит, видно,
Да кружит по сторонам.

III
Посмотри: вон, вон играет,
Дует, плюет на меня;
Вон — теперь в овраг толкает
Одичалого коня;
Там верстой небывалой
Он торчал передо мной;
Там сверкнул он искрой малой
И пропал во тьме пустой».

IV
Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна.

Сил нам нет кружиться доле;
Колокольчик вдруг умолк;
Кони стали... «Что там в поле?»
«Кто их знает? пень иль волк?»

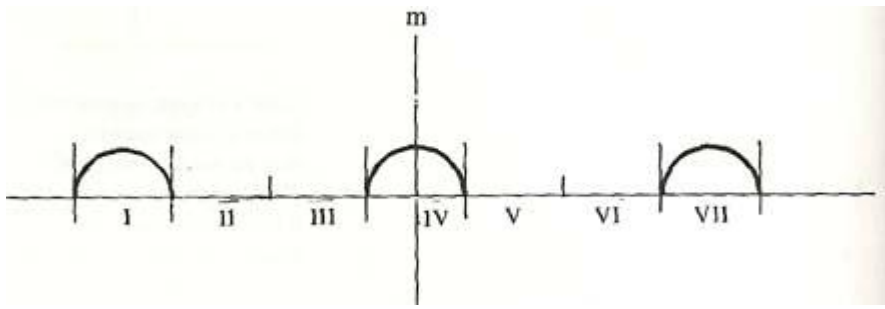
V
Вьюга злится, вьюга плачет;
Кони чуткие храпят;
Вот уж он далече скачет;
Лишь глаза во мгле горят;
Кони снова понеслись;
Колокольчик дин-дин-дин...
Вижу: духи собрались
Средь белеющих равнин.

VI
Бесконечны, безобразны,
В мутной месяца игре
Закружились бесы разны,
Будто листья в ноябре...
Сколько их! куда их гонят?
Что так жалобно поют?
Домового ли хоронят,
Ведьму ль замуж выдают?

VII
Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна.
Мчатся бесы рой за роем
В беспредельной вышине,
Визгом жалобным и воем
Надрывая сердце мне...

1830

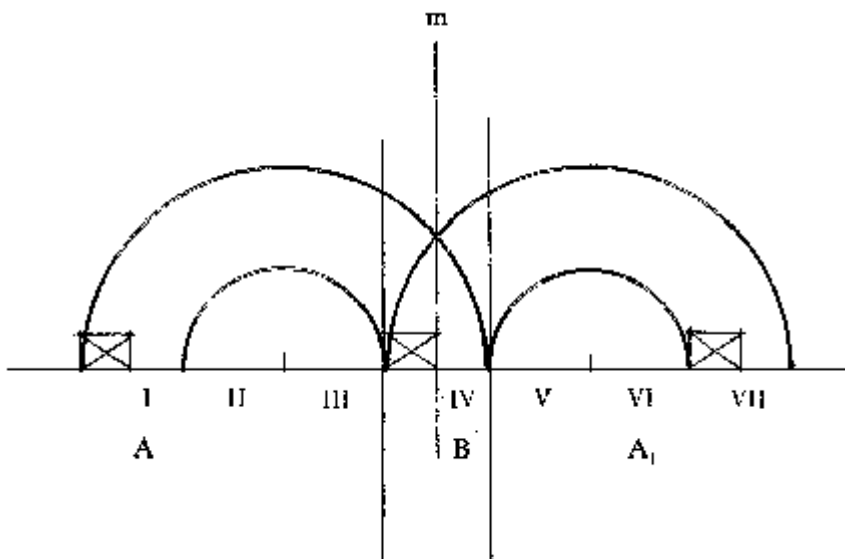
Народная баллада «Бесы» (1830) написана тем самым четырехстопным хореем, который Пушкин считал наиболее подходящим для стихотворений, близких к фольклору; восьмистрочная строфа несет ту же нагрузку (подробнее об этом ниже, в разборе стихотворений «Пир Петра Первого» и «Зимний вечер»). Семь строф, составляющих стихотворение, сплетены рядом повторов; так, начальные 4 стиха подхвачены в строфах IV и VII — уже этот элемент композиции служит основой симметрического построения:

Повторенные строки («Мчатся тучи, вьются тучи...» и т.д.) выделяют три строфы: первую, последнюю и центральную, особенно подчеркивая важность центра.

Впрочем, строфа IV, составляющая середину стихотворения, выделена еще и тем, что она выражает внезапно наступившее беззвучие и остановку движения: «Колокольчик вдруг умолк...; Кони стали...» До сих пор — в трех строфах — было движение саней среди метели и метели вокруг саней; движение в реальном пространстве заснеженного поля. В следующих трех строфах — движение духов или бесов в пространстве, приобретающем черты фантастические. «Первое движение» озвучено на три строфы строкой 16: «Колокольчик дин-дин-дин»; «второе движение» на три другие строфы — строкой V6: «Колокольчик дин-дин-дин». Одинаковые строки стоят на параллельных местах.

Часть первая (A) композиционно подобна части третьей (A₁), но и противопоставлена ей: A — взгляд «другого», ямщика, здесь говорит «он», и слово «бес» стоит в единственном числе; A₁ — взгляд автора, говорит «я» («вижу»), и «бесы» (или «духи») — во множественном. Соотношение A и A₁ — это соотношение фольклора и романтической поэзии, которые и родственны, и противоположны («бес» в единственном числе — принадлежность сказок, пословиц, песен; «бесы» во множественном числе — балладной традиции, ср. «Ленору» Бюргера и все ее русские варианты). Схематически композиция «Бесов» приобретает следующий вид:

Подчеркнутая симметричность «Бесов» связана с народно-песенной природой стихотворения; о ней иногда забывают, хотя лексический состав текста явно об этом говорит: «Еду, еду в чистом поле...»; Колокольчик дин-дин-дин... Страшно, страшно...»